

У читателя повести «Перед восходом солнца» может возникнуть вопрос, почему в ней так скупо говорится о внушении и самовнушении. Видимо, потому, что достаточно подробно об этом автор говорил в «Возвращенной молодости» (комментарий XV), приводя многочисленные примеры возникновения и исчезновения болезней за счет силы внушения — посторонней или собственной. «Во всей нашей жизни, во всех наших поступках и, может быть, во всех склонностях самовнушение всякий раз играет большую роль, чем можно даже предположить». В тридцатые годы, когда Зощенко писал эти строки, за рубежом уже разрабатывалась методика аутогенной тренировки. Ныне такая тренировка получила повсеместное признание. Укрепить «волю к жизни» помогает даже простое повторение по утрам самоуспокоительных формул вроде «Я верю в защитные силы своего организма», «Ухожу от неуверенности, боязни, озлобленности», «Я счастлив — все идет к лучшему». Для психики это такая же зарядка, как физические упражнения — для тела. И многое из того, о чем идет речь на страницах повести «Перед восходом солнца», связано с игрой воображения и силой внушения.

Зощенко писал не только о себе («полкниги будет занято моей особой»). Как и в двух предшествующих научно-художественных повестях, писатель обращается к опыту истории, к жизни других людей, живших ранее и живущих ныне.

Повесть пронизана жизнеутверждающим научным мировоззрением. Не случайно она завершалась в дни войны с фашизмом, пытавшимся разбудить в человеке звериные инстинкты. Инстинкт может быть губителен для человека, утверждает Зощенко, разум всегда спасителен и всемогущ. Так воздадим же хвалу разуму, пусть он восторжествует и победит неразумие!

Все три научно-художественные повести Зощенко так или иначе связаны с именем Горького. Алексей Максимович напутствовал Зощенко на его новом пути и помогал преодолевать непонимание. Благодарный автор посвятил ему и «Голубую книгу», и «Перед восходом солнца».

Перед нами — не трилогия. Но есть в этих трех произведениях одна стержневая проблема — мир человека, физическое и духовно-нравственное здоровье. Зощенко призывает человека быть творцом самого себя, управлять своей натурой. Это не призыв к самолечению, любое лечение, в том числе и анализ психики, должно идти под наблюдением врача, писатель неоднократно это подчеркивает. Зощенко не был медиком и не считал себя таковым. Он решал мировоззренческую задачу. Если нужно назвать область науки, в которую писатель проникнул художественными средствами, то это отнюдь не медицина и даже не психология, а философия. И здесь он был новатором.

Проблема человека, всегда присутствовавшая в марксизме, во всей полноте встала лишь в послевоенные годы в известной мере как ответ на вызов экзистенциализма, уверявшего, что в диалектическом материализме нет такой проблемы. Но еще в ранних работах Маркса, существенная часть которых впервые на русском языке была опубликована в 1956 году, проблема человека доминирует. И не случайно эпиграфом к эпизоду повести «Перед восходом солнца» Зощенко взял слова Маркса из его письма к Руге (сентябрь 1843 г.): «...Сознание — такая вещь, которую мир должен приобresti себе, хочет он этого или нет». В этих словах — основная идея всего научно-художественного творчества Зощенко.

Арсений
ГУЛЫГА,

доктор философских наук

РАЗУМ

Юморист сыграл шутку со своей биографией. А может быть, все случилось произвольно: просто абберация памяти. Так или иначе, но лишь недавно удалось установить (см. «Литературную газету», № 1, 1984), что Михаил Зощенко родился на год и на сутки раньше, чем писал в анкетах (и соответственно значился в справочниках), — не 10 августа 1895 года, а 9 августа 1894 года. Поэтому 90-летие со дня рождения писателя приходится отмечать на год раньше, чем предполагалось. К юбилею М. Зощенко «Литературная Россия» публикует статью доктора философских наук А. В. Гулыги, посвященную одной из наименее исследованных граней творчества писателя.

ПОБЕЖДАЕТ

Научно-художественные повести Михаила Зощенко

Михаил Зощенко говорил, что его всегда поражало: художник, прежде чем рисовать человеческое тело, должен изучить анатомию, только знание этой науки избавляет художника от ошибок в изображении. А писатель, в ведении которого больше, чем человеческое тело, — его психика, сознание, — не часто стремится к подобному рода знаниям. Зощенко счел своей обязанностью взяться за серьезное изучение сознания. Учась, писатель уже добытые знания, то проникая в область неизведанного.

Учение стимулировал нервный недуг, которым смолоту страдал писатель. Болезнь оказалась непонятной и неизлечимой. Лекарства не помогали, от прописанных врачом водных процедур писателю становилось хуже. Кризис наступил в 1926 году, когда больной перестал есть и чуть не погиб от голода. Именно тогда он почувствовал, что никто, кроме него самого, не в состоянии ему помочь.

«Я встречался с писателем, — вспоминает профессор А. А. Портнов, — в ту пору, когда в Ленинграде уже не было издательства, не сделавшего ему лестного предложения, когда ученые самым серьезным образом говорили о лингвистическом феномене писателя, а в издательстве «Academia» подготавливалась о нем книга. И даже тогда время от времени Зощенко впадал в состояние подавленности, сомневался в ценности своих произведений. У меня не было сомнений: он страдал циклотимией, болезнью, выражающейся в смене настроений — от нормального до тяжелой хандры. И вот в одно прекрасное время Михаил Михайлович решил эту болезнь победить — почти без помощи врачей, своей волей и интеллектом. И, надо сказать, эксперимент удался».

Первую попытку осмыслить собственный эксперимент содер-

жала повесть «Возвращенная молодость». Вышла она в 1933 году, но замысел возник значительно раньше. В сентябре 1927 года Зощенко писал М. Горькому:

«Очень желаю Вам здоровья и долгой жизни, которая, мне думается, зависит главным образом от воли человека».

Я прочел у Гёте замечательную фразу. Когда умер один из его друзей — 70-летний старик З., — Гёте сказал: «Я удивляюсь, как это у людей не хватает храбрости жить дольше».

Стало быть, Гёте считал, что для долгой жизни надо только иметь желание и как бы предположение, уверенность в том, что жить можно долго и даже сколько угодно...

Я хотел Вас спросить, как вы думаете — верно ли это? Верно ли, что люди сами, собственными руками делают себе долгую жизнь. Верно ли, что люди сами создают себе философию (как, например, Л. Толстой), которая не идет в разрез ни с собственными силами, ни с возможностью жить долго.

Или я заблуждаюсь. И люди живут, как придется, по временам советуясь с врачами о своих недомоганиях и кушая пилюли, которые поддерживают жизнь. Мне все же кажется, что это не так».

«Возвращенная молодость» — повествование о том, как управлять своим здоровьем, как собственными руками делать долгую и плодотворную жизнь. Сама повесть занимает меньше трети текста. Ей предшествует «научное рассуждение с разными сносками», ее дополняют «комментарии и статьи». Можно, конечно, прочитать только повесть и получить эстетическое удовольствие от зощенковской прозы, подобно тому, которое дают его рассказы. Но можно (и нужно) проникнуть в глубинный пласт произведения, прочитать (и продумать) комментарии, которые, строго говоря, не комментарии, а размышления автора на волнующую его тему. Речь идет не столько о

медицине, сколько об этике и общем взгляде на человека и мироздание.

Сам Зощенко подчеркивал, что в книге он высказывает «некоторые философские мысли по поводу жизни», а комментарии представляют собой «записи скорее философского характера, чем медицинского» (стенограмма диспута о книге «Возвращенная молодость» от 13 апреля 1934 года; архив М. Зощенко).

Зощенко писал для массового читателя, сохраняя свою привычную, сделавшую его популярным манеру, она не должна нас дезориентировать сегодня: речь идет о серьезных вещах.

Горький ознакомился с повестью до опубликования, оценил ее как «замечательную вещь» и помог ее появлению. Выход в свет «Возвращенной молодости» вызвал оживленную полемику. Перелистывая пожелтевшие подшивки «Литературной газеты» и «Литературного Ленинграда» за март—май 1934 года, наталкиваешься на самые различные оценки повести. Спорили не только литераторы, но и ученые — медики, физиологи и психологи. Даже тогдашний министр (нарком) здравоохранения Н. Семашко счел долгом высказать публично свое мнение: «Самая главная заслуга книги т. Зощенко, целиком оправдывающая появление ее в свет, — это призыв к «организации жизни», к «сохранению и укреплению умственной» (да и физической) «энергии». Хвала т. Зощенко за это!». Раздавались, правда, и голоса, хулившие автора, но в целом вердикт ученого мира был недвусмысленным: Зощенко начал получать приглашения на заседания в Институт мозга, а

И. П. Павлов приглашал его на свои «среды»: ученые стали разговаривать с писателем как с равным.

Этот вердикт проверен и утвержден высшей контрольной инстанцией — временем. Мы приводили выше слова одного из наиболее крупных сегодня наших психиатров — профессора А. А. Портнова. Вот еще одно мнение — профессора Г. С. Васильченко (НИИ психиатрии Минздрава РСФСР), считающего, что программа Зощенко сознательного руководства своим здоровьем —

«находит полную поддержку современной медицинской науки. Здоровье, этот природный дар, в начале жизненного пути зависящий от воли субъекта и определяемый прежде всего наследственными факторами, в дальнейшем все в большей степени зависит от умения индивидуально организовать свою жизнь. Если естественный ритм, сочетающий физическую и духовную активность, способен укрепить даже самую слабую наследственную конституцию, то физическая и интеллектуальная лень, отсутствие активной целеустремленности, расслабление организма комфортом, праздность, дополняемые разрушающим влиянием таких широко распространенных наркотиков, как табак и алкоголь, способны расшатать и развалить самую хорошую наследственность».

После выхода «Возвращенной молодости» Зощенко приступил к работе над новым необычным произведением. Это «Голубая книга» — брызжущий остроумием монтаж из юмористических рассказов, назидательных притч, анекдотов и афоризмов. Зощенко все время обращается к материалу истории, но подает историю в предельно «остраненном» виде. Стержень книги — философская идея, мысль о нравственном несовершенстве старого мира, о необходимости воспитания нового человека, воспитания его чувств.

Горький одобрил «Голубую книгу». В письме к Зощенко он хвалил повесть и давал автору новое напутствие:

«Страдания — позор мира, и надобно его ненавидеть, чтобы его истребить... Высмеять профессиональных страдальцев — вот хорошее дело, дорогой Михаил Михайлович... высмеять всех, кого idiotские мелочи и неудобства личной жизни настраивают враждебно к миру».

Зощенко начинал работать над новой книгой — «Ключи счастья». Перед публикацией название, повторившее А. Вербицкого, автор меняет на «Перед восходом солнца», полемически повторяющее название первой драмы Г. Гауптмана.

Первая часть повести была напечатана в журнале «Октябрь» (№№ 6—7 и 8—9 за 1943 год). Окончание увидело свет в мартовской книжке «Звезды» за 1972 год.

Что сближало новую повесть с «Возвращенной молодостью», позволяло рассматривать первую в качестве продолжения второй? Все то же интерес автора к проблеме сознательного самоуправления жизнью организма. Только теперь речь шла не о физиологии, а о психике, о тренировке не тела, а души. В поисках причины своего недуга Зощенко вдруг понял, что в его жизни произошло что-то такое, что действовало угнетающим образом, вызвало болезнь. Но что именно? И когда? Писатель начал вспоминать свою жизнь, попытался психологически осмыслить пережитое. Юношей Зощенко ушел на войну, мужественно вел себя на фронте, в гражданскую войну служил в Красной Армии, затем сменил ряд профессий, пока не стал писателем; потерял мать, пережил другие потрясения, но ни в одном из них (ни в их совокупности) не увидел причины своего заболевания. В поисках ее он обратился к своему детству.

Детские впечатления — «ментальные снимки», но оказались, что они волнуют писателя больше, чем переживания зрелых лет. Он чувствует, что при-

ближается к цели. Его память доходит почти до младенческого возраста, но дальше пути нет. Первые два года жизни окутаны плотным туманом, не позволяющим взору проникнуть в таинственную жизнь маленького существа. У писателя нет уже сомнений, что драма разыгралась именно тогда.

Повесть Зощенко содержит описание детских кошмаров автора. Фрейдистская трактовка сновидений им отброшена, он руководствуется материалистическим подходом к символическим сновидениям. Умело расшифровывая символический язык своих снов, осмысливая, рационализируя их, Зощенко в конце концов добивается до первопричин невроза, до тех раздражителей, которые создали устойчивые «опасные связи», возникшие помимо сознания. Эти связи возникли в младенческом возрасте, но укреплялись на протяжении последующих лет благодаря случайным совпадениям. Зощенко силой разума разорвал эти связи, отделил подлинные беды от мнимых причин, от условных объектов раздражения, вернул этим объектам их реальное значение. Поразительный результат был достигнут — наступило выздоровление:

«Я впервые почувствовал вкус еды. Я впервые понял, что такое сон, спокойствие, отдых... Я много лет не знаю, что такое хандра, меланхолия, тоска».

Повесть Зощенко написана во славу науки, во славу разума.

В повести «Перед восходом солнца» Зощенко ставит философско-нравственную проблему сознательного отношения к смерти. Он рассказывает о случае на фронте, когда в блиндаже, где находилось четырнадцать человек, один офицер выронил случайно ручную гранату. Выбросить ее не было возможности, и офицер упал на гранату, погиб, спасая своих товарищей. Страх смерти был ничтожен по сравнению с тем чувством, которое было в сердце этого замечательного человека. Нет сомнения, говорит Зощенко, таких фактов можно найти немало и в истории прошлого, и в истории наших дней.

Перед закономерным, естественным концом в жизни человека наступает период увядания, старость. Как вести себя при этом, как не стать обузой для близких и в тягость самому себе? Можно ли отодвинуть дряхлость, продлить работоспособность? В наши дни это серьезная социальная проблема: средняя продолжительность жизни возросла, а возрастная граница, за которой начинаются старческие заболевания, снизилась, увеличилось количество пожилых людей. Зощенко формулирует общую установку на сознательное «преодоление» старости, на продуктивное долголетие. Старость — это не «живая могила», как когда-то выразился Мартин Лютер, надо овладеть искусством счастливой старости. И здесь опять-таки многое зависит от разума и воли.

И еще одна жизненно важная проблема — человеческое страдание. Горький советовал «высмеять профессиональных страдальцев», высмеять было трудно, и Зощенко сделал это, но одновременно он искал и конструктивный метод борьбы с душевными муками. Может быть, когда-нибудь наука найдет способ физического воздействия на мозг. Но пока все надежды на другую науку — науку достойной и справедливой человеческой жизни, то есть философию, дающую социальное и этическое решение проблемы, ориентирующую на устранение мучительных общественных конфликтов, привносящую оптимизм, чувство долга и взаимного доверия. Дело и здесь за разумом.

«Боже мой! — восклицает Зощенко. — Какие счастливые надежды заигривались бы в наших сердцах, если б высокий разум